

УДК 821.511

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-114-121

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЭРЗЯНСКОГО ПОЭТА АЛЕКСАНДРА АРАПОВА

© Алексей Арзамазов, Флера Сайфулина

BEYOND ETHNIC EXISTENCE. THE ERZYA POET ALEXANDER ARAPOV'S ARTISTIC WORLD

Alexey Arzamazov, Flera Sayfulina

This article examines the poetic work of Alexander Arapov, one of the most prominent representatives of the modern Mordovian national literature, and explores structural, compositional, and content aspects of his poetry. We have established that his poems are strictly rhymed, and free verse elements are almost nonexistent in his text. This may be due to the fact that the author presented himself as a bard, performing many of his poems to the guitar. The article notes that Arapov's poems make extensive use of infinitive writing techniques, their frequent use can be explained both by the influence of Russian "infinitive" poetry and by the "Erzya agglutinateness" of the poet's linguistic personality. We analyze in detail the motifs and imagery of this author's poetry, exploring the semantic contexts of the symbols' artistic actualization of winter, snow, trains, train stations, and silence, as well as the love lyrical poetry examples, illustrating the existential and psychological depth of A. Arapov's work. In addition to Russian-language poems, our analysis includes texts written by the poet in the Erzya language, revealing their artistic, content, and compositional independence. The article concludes that the most promising aspect of studying Arapov's artistic phenomenon is a comparative one, involving the analytical approach to the development of the literatures of the peoples from the Volga region and Russia.

Keywords: artistic bilingualism, figurative system, Erzya language, literary process, infinitive writing, psychologism, love lyrics

В статье рассматривается поэтическое творчество одного из наиболее ярких представителей национальной литературы современной Мордовии – Александра Арапова. Исследуются как структурно-композиционный, так и содержательный планы его поэзии. Авторами установлено, что его стихотворения строго зарифмованы, в его текстовом корпусе почти не встречаются верлибровские элементы. Данная особенность может быть обусловлена тем, что автор преподносил себя как барда, многие свои стихи исполнял под гитару. Отмечается, что в стихотворениях Арапова повсеместно использованы приемы инфинитивного письма, активность употребления которого может объясняться как влиянием русской «инфинитивной» поэзии, так и восходить к «эрзянской агглютинативности» языковой личности поэта. Подробно рассмотрены и проанализированы мотивы и образы поэзии изучаемого автора. Исследованы семантические контексты художественной актуализации символов зимы, снега, поезда, вокзала, тишины. Разобраны примеры любовной лирики, иллюстрирующие экзистенциально-психологическую глубину творчества А. Арапова. Помимо русскоязычных стихотворений в орбиту прочтения попали и тексты, написанные поэтом на эрзянском языке. Выявлена их художественная, содержательная, композиционная самостоятельность. Сделан вывод о том, что наиболее перспективный аспект исследования художественного феномена Арапова – компаративный, предполагающий аналитическое обращение к реалиям развития литератур народов Поволжья, России.

Ключевые слова: художественный билингвизм, А. Арапов, образная система, эрзянский язык, литературный процесс, инфинитивное письмо, психологизм, любовная лирика

Для цитирования: Арзамазов А., Сайфулина Ф. За пределами этнической экзистенции. Художественный мир эрзянского поэта Александра Арапова // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 4 (82). С. 114–121. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-82-4-114-121

Современная литература Мордовии отличается поразительным многообразием имен, стилей, этнокультурных и этнолингвистических деталей. Контексты ее развития в значительной степени определяют реалии многоязычия региона. Речь может идти о двух самостоятельных «ответвлениях» мордовской словесности – литературно-художественных традициях на эрзянском и мокшанском языках. Важную роль на перекрестье двух обозначенных языковых миров играет русский язык – все более распространенным явлением становится творческий билингвизм. Имеют место случаи перехода писателя с родного языка (эрзянского/мокшанского) на русский. Примечательно, что при таком лингвокультурном переключении автор не просто стремится сохранить свою художественную этноориентированность, а, напротив, нередко усиливает ее. Русскоязычные произведения мордовских писателей часто пронизаны этноспецифическими нарративами, в них отдельным содержательно-символическим пластом оказываются «растворенные» в русском тексте мордовские лексемы, номинации. В пределах лингвоментального измерения родного языка этносемантизация как бы не замечается, воспринимается как естественный процесс. Переход на русский язык – вместо ожидаемого «разрыва» этносемантических соотношений, последующей последовательной нейтрализации «своего» – применительно к литературам народов Поволжья все чаще сопровождается расширением и даже обострением этнической тематики. И в целом феномен границы языков/культур/идентичностей, получающий отражение в системе литературы, – тема многофакторного гуманитарного осмысления, предполагающего элемент теоретического моделирования.

Прежде чем перейти к анализу конкретных поэтических текстов, иллюстрирующих современное состояние мордовской (эрзянской) литературы, необходимо обозначить некоторые особенности становления национальной художественной традиции, назвать некоторые имена. Повсеместно подчеркиваются «ускоренные» темпы развития мордовской литературы: «формируясь и развиваясь в условиях советской действительности, она за короткий исторический срок совершила подлинный скачок от первых ученических опытов до многоплановых произведений эпического характера» [1, с. 292]. По всей видимости, именно мордовская литература по сравнению с другими финно-угорскими литературами Поволжья и Урала характеризуется ранней и разносторонней ориентированностью на русскую литературу. Отдельные писатели-этнофоры, сто-

явшие у истоков национальной словесности, писали на русском языке (М. Герасимов, З. Дорофеев и др.). Образ мордовского народа в той или иной степени этнокультурной проявленности представлен в произведениях некоторых русских писателей (например, Максима Горького).

Считается, что один из основоположников мордовской литературы – Захар Дорофеев (1890–1952), чья многогранная творческая и общественно-политическая деятельность сыграла важную роль в формировании национального литературного процесса. Мокшанин Дорофеев начал писать по-русски, однако по ходу своего художественного взросления перешел на родной язык. Это «возвращение» оказалось продуктивным, важным с точки зрения этноэкзистенциального раскрытия творческой индивидуальности, позволило Дорофееву сосредоточиться на проблемах, потребностях и реалиях развития мордовской словесности, ощутить скорость и сложность зарождения литературы на национальном языке. В жизни и художественно-просветительских практиках Дорофеева сошлись сразу несколько знаковых в контексте сложения национальной традиции и стадияльно-типологических «осей» релевантных составляющих – учеба в уникальной Казанской инородческой учительской семинарии, профессиональная и личная погруженность в фольклорно-этнографическую реальность мордвы, активная переводческая работа (осуществлены переводы на мокшанский стихотворений М. Лермонтова, А. Кольцова, Ф. Тютчева и др.), написание учебно-методических пособий по мокшанскому языку.

Одну из ведущих ролей в становлении эрзянской (мордовской) литературы сыграла Кривошеева Ефимия Петровна (1867–1936). Родившаяся в бедной крестьянской семье Е. П. Кривошеева с детства складывала песни, исполняла их в кругу «своих» – родственников и односельчан. Она считалась непревзойденным знатоком обрядового и необрядового фольклора эрзи, в зрелые годы приобрела славу вопленицы, плакальщицы. Известность Е. П. Кривошеевой принесла поэма «Лайшема Кировдо» («Плач о Кирове»), воплотившая в себе глубинные народные жанровые формы и сложную фольклорно-мифологическую символику. Судьба самой сказительницы была очень трагической – еще при жизни она похоронила семерых своих детей. Именно незаживающая боль больших утрат – в основе многих произведений.

Посмертно вышел сборник сказов «Лайшемат ды морот» («Плачи и песни», 1937). Сказы, тексты Кривошеевой вошли и в коллективные сбор-

ники «Авань вайгель» («Голос матери», 1950), «Тынь кунсолодо, тиринь тякам монь» («Вы послушайте, дети мои»). Тексты и контексты творчества Е. П. Кривошеевой, если отбросить социалистическую оболочку, это большая глубина народной культуры, традиционного мировоззрения, символического отождествления. И это именно те этнопоэтические истоки, возвращение к которым может уберечь национальную литературу от «метастазирования» инородного-деформирующего-чужого.

Один из основоположников мордовской литературы на эрзянском языке – Василий Кузьмич Радаев (1907–1991), чья долгая жизнь вместила в себя множество исторических событий, разных идеологических векторов, карьерных «поворотов». Важно, что Радаев – писатель из диаспоры, кровно связанный с этническим разнообразием «большого Урала». Речь снова идет о жанрово-родовом многообразии творческой манифестации. И в этом профессиональном стремлении успеть как много больше, освоить большое количество сфер художественности – признаки «ускоренности» национальной литературы, неравномерности ее формально-композиционного и содержательного усиления. Важнейшим вкладом В. К. Радаева в мордовскую, финно-угорскую словесность стало создание эпической поэмы «Сияжар», в основе которой – эрзянский фольклор, мифологические представления. Без сомнения, «Сияжар» – один из этапов качественного роста литературы на эрзянском языке.

Значимое место в истории мордовской литературы раннего советского времени занимают поэмы. Многие национальные писатели обратились к данному жанру, позволяющему комбинировать поэтическую образность слова и развернутые исторические панорамы, полные героических событий. Наиболее яркие образцы – поэмы М. Безбородова, А. Рогожина («Гале»), А. Куторкина («Ламзурь»), Э. Пятая («На реке Эрешке»), Н. Эркая («Песнь о Раторе» и др.).

Примечательно, что одной из платформ становления мордовской литературы оказалась драматургия, что не совпадает с картиной раннего развития других родственных финно-угорских литератур (удмуртской, марийской). Повидимому, в данном случае можно говорить об иных этнопсихологических основах мордвы, более высокой степени конфликтогенной репрезентации этноса.

Среди современных авторов Мордовии особое место занимает Александр Васильевич Арапов (1959–2011). Его небольшое по своим объемам творческое наследие может быть рассмотрено сквозь призму разных аналитических пози-

ций, направлений гуманитаристики. Представляет большой интерес языковая биография поэта – он писал свои стихотворения на русском и эрзянском языках. При этом в его художественном миротексте очень непросто отыскать примеры реализации национальной компоненты. Эрзянин Арапов не стремился тематизировать эрзянское.

Поэтический талант А. Арапова прежде неоднократно становился объектом научного рассмотрения. Его произведения необходимо исследовать в проблемно-тематическом пространстве мордовской литературы, с учетом ее многогранных особенностей.

Теоретико-методологическую базу нашей статьи составили работы, обращенные к национальным литературам народов Поволжья [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], позволяющие обозначить новые ракурсы прочтения.

Александр Арапов относится к той когорте поэтов, которые пишут рифмованные стихи. Эта особенность характерна как для его эрзянских, так и русскоязычных текстов. Имеют место и редкие исключения из правил, не меняющие общей поэтической картины. Консервативный подход к стихосложению – итог многих явлений. Во-первых, посредством процедуры «рифмования» поддерживается связь с традициями мордовской и русской поэзии, «впитываются» их богатые (флективные, агглютинативные) стихометрические возможности. Во-вторых, А. Арапов отдельные свои стихотворные произведения исполнял под гитару, выступал в роли барда. Отсюда – большое внимание к созданию акустических переключек, к звуковым оттенкам слова. В-третьих, иные варианты (например, верлибр) в конце 1980 – начале 1990-х гг. только начинают входить в моду. Когда эрзянский поэт начал последовательно писать стихи, еще не было достаточных «верлибрических объемов» национальной словесности. Практики родственных западных финно-угорских литератур (финской, эстонской, венгерской), среди «текстотехноцентрических» приоритетов которых не одно десятилетие был свободный стих, еще не были должным образом открыты, освоены. Стихотворения Александра Арапова – разного размера, представляют собой разные композиционные модели – от традиционного деления на строфы до монолитного пространства текста, от миниатюр, хокку и танка до развернутых сюжетных стихов. Достаточно пеструю картину представляет и структурное устройство произведений: монологи лирического «Я» нередко прерываются включением реплик «другого», наблюдаются разнообразные формы их текстового взаимодействия, синхрония переживаемого регулярно «состязается» с диахрони-

ей воспоминаний. Очевидна внутренняя установка автора открыться читателю, обладающему развитым эмоциональным интеллектом. Многие отраженные в стихотворениях Арапова ощущения, оценки, выводы предполагают наличие воспринимавшей стороны.

В стихотворениях Александра Арапова помимо колоритного основного «Я»-субъекта в разной степени развернутости заявляют о себе и другие действующие лица – дядя Костя, Витек, Евгений Василич, дед Сега, баба Ага и т. д. Они своим фоновым присутствием прежде всего создают «модуляции» индивидуальной памяти.

Одна из концептуальных лингвопоэтических особенностей творчества Арапова – регулярная актуализация приемов инфинитивного письма:

«Какова она, мужская доля? –
С черною тоскою под крылом
Не кататься по полу от боли –
Петь лихую песню за столом.
Затихать, как море в час отлива,
Строить новый домик на песке,
И ходить по краешку обрыва
С верою, зажатой в кулаке» [11, с. 39].

Стихотворная реальность Александра Арапова, в которую «погружены» его герои, – постпестроечная зимняя, заснеженная Россия. В этом реалистично-символическом пространстве проживается жизнь, пролетает молодость, ранимого человека изматывают разочарования, обиды, достигается высота поэтического миропонимания:

«Вслед себе смотреть и плакать,
Отвернуться и уснуть.
...Снег в России грустный-грустный,
Тихий, как последний путь...» [Там же, с. 5].

Снежно-зимний фон произведений Арапова, почти полное отсутствие иных сезонных хронотопов контекстуально перекликаются с некоторым однообразием жизни лирического героя. Особенно заметна внешняя пустота, малособытийность – нет ярких красок путешествий, перемещений, нет открытых захватывающих конфронтаций с другими. Почти нулевая скорость движения судьбы резонирует с насыщенностью эмоциональных переживаний, страданий, внутренними противоречиями, которые не удается привести к видимости согласия. Даже нередко проявляющиеся оптимистические, жизнеутверждающие интонации кажутся хрупкими, «компромиссными». Герой/автор прекрасно понимают, что с ними происходит что-то не то, они живут не так, как хотели.

Как ни парадоксально, но один из регулярных образов поэзии Александра Арапова – поезд. Предполагается, что введение этого символа усиливает динамику поэтически разворачивающихся событий, обеспечивает экранизацию ландшафта. Данный образ в художественном преломлении ассоциируется со свободой, готовностью к большим переменам. Вместе с тем поезд у Арапова – замкнутое, закрытое от других пространство саморефлексии, сомнений, обид, разочарований. Его поезд словно заблудился, застрял посреди зимы, снегов. Пассажир остался наедине со своим одиночеством. Поезд – своеобразный аналог машины времени, переносящий в прошлое:

«А за окном – такое!
Охают поезда.
Мир занесен пургою,
Кажется, навсегда...
Русских вокзалов промельк,
Ветер, обрывки лет...
– Короток путь и горек! –
Мама кричит мне вслед...» [Там же, с. 21].

Поезда, вокзалы – образно-ассоциативное слагаемое поэтического раскрытия темы времени. Примечательно, что это погружение в свою жизнь «прерывает» кто-то другой, осложняет внезапная оценивающая реплика известного/неизвестного:

«Мой поезд, он мчится, он весь в напряженьи –
То темень тоннеля, то снова просвет,
И в этом надрыве и лязге движенья
Печальная музыка прожитых лет» [Там же, с. 43].

Главным субъектом поэтического представления Александра Арапова может быть не только привычное «Я» и риторически выделенное «Я = Ты», но и имплицитное «Он». Обычно с помощью этого местоимения представлен сильный-слабый мужчина средних лет, потерявший жизненные ориентиры, оказавшийся на «перепутье» случайного поезда:

«В холодном тамбуре ночном
Курил... Курил и плакал долго.
А после слезы кулаком
Он вытирал на верхней полке.
И было душно в темноте,
Где в тесноте, да не в обиде.
Лицо он поднимал к звезде
И никакой звезды не видел.
Летела за окном луна,
Шумела за окном эпоха...
Хотелось друга и вина,
И понимающего вздоха» [Там же, с. 55].

Александр Арапову удаются поэтические изображения глубоких мужских переживаний, отчаянного одиночества. По-видимому, это хорошо знакомые автору состояния, их творческая передача выразительна, убедительна. Рассматривая контексты художественного бытования образа поезда и топоса вокзала, нельзя забывать о скрытых, нередко – подсознательных отсылках к русской и мировой литературе, кинематографу. Эти символы востребованы культурой, располагают большим смысловым, ситуативным спектром потенциального привлечения.

К регулярным лирическим символам относится образ маски:

«Замрет мой отчаянный взмах
Над миром из масок...» [Там же, с. 4];
«Сказки чудесны, завтра – прекрасно,
И непотребно – вчера...
Сорвана нота. Сорвана маска.
И признаваться пора...» [Там же, с. 27].

Маски и некоторые другие ее функционально-символические заместители (например, бинт: [Там же, с. 79]) олицетворяют собой самообман, внутреннюю слепоту себя и других. Мотивы срывания масок, накладывания бинтов подчеркивают духовную потребность лирического героя в правде, когда внешний мир, напротив, навязывает искаженную реальность.

Как и у многих финно-угорских поэтов, в творчестве Александра Арапова видное место занимают птицы. Птица – одно из ассоциативно-символических воплощений поэзии. При этом прописывается фон боли, фатальной случайности:

«Как птица от боли
Сорвется строка впопыхах» [Там же, с. 4].

Образ птицы в одноименном стихотворении [Там же, с. 30] проецируется на сложные, полные ограничений обстоятельства жизни творческого человека. Попав в плен клетки, привыкшая к высоте неба и облаков птица сталкивается с враждебным пространством жилища людей, их примитивно-потребительским внутренним устройством, подвергается унижениям. Ее попытки противостоять своему заключению ни к чему не приведут – она обречена на постепенно-последовательное привыкание к «низкому» человеческому миру. Птица в клетке как метафора нераскрытого дарования творческой личности проявлена в стихотворении «По длинному по коридору» [Там же, с. 86], вновь обозначено окружение непонимающего, глухого к чужим переживаниям, талантам большинства.

Показательно, что в стихотворениях Александра Арапова не наблюдается каких-либо художественных поворотов в сторону мифологических представлений эрзи.

Символ птицы раскрывается преимущественно в контексте психологических и социальных самоощущений «Я»-субъекта. К характеристическим образам поэзии Арапова относятся также стены, заборы, шлагбаумы, сопровождающие метатему внешних ограничений, недоступности желаемого, личного выбора закрытости от бурных событий жизни:

«Закрываться стеной –
От весны, половодья, себя.
Головою об стену –
И ни вдоха, ни слова худого...» [Там же, с. 29].

Интересно, что в картинах мира финно-угорской поэзии лирические герои часто боятся весны, резкого потепления. Им комфортнее зимой, они чувствуют себя в безопасности среди защищающих от вторжения внешних и внутренних высоких температур снегов. Так, удмуртский поэт Михаил Федотов демонизирует внезапнее раннее весеннее тепло, приносящее с собой болезненную душевную неуспокоенность, обостряющее воспоминания о прошлом и ожидание будущего.

Оппозицию внешнего и внутреннего поэтически поддерживают образы окон и дверей. В стихотворении «Друг мой, нам надо выжить» с помощью упомянутых символов обозначается экзистенциальная незащищенность «Мы». Речь, по всей вероятности, идет о людях творчества, искусства, чувствительных к бедам других и неприспособленных к привычной для большинства прагматике жизни: «Друг мой, нам надо выжить» [Там же, с. 89].

Яркая сторона поэтической индивидуальности Александра Арапова – любовная лирика. В книге «Взмах» стихи о любви, отношениях мужчины и женщины – одни из самых проникновенных, притягательных для прочтения. Иллюстрируемые в стихотворениях личные истории полны драматизма, сожалений, разочарований. В них не найти согласия, гармонии, надежды на счастливое совместное будущее. Речь идет о постоянно и остро переживаемой ситуации расставания, о виртуальных попытках вернуть любимую, вернуться в прошлое на двоих. Лирический герой видит причину разлуки в себе, «спотыкается» о собственную слабость, опаздывает с решениями. Представленные в текстах Арапова женщины меркантильны и расчетливы. Они сильны, горды, лишены эмпатии, не умеющие прощать, «невозвратны». Персонаж-мужчина пытается их реабилитировать.

литировать, приписывает им высокие качества. Отвыкание от любовной зависимости проходит долго и мучительно, в «пустоте» и «темноте» исчезающей любви:

«Ну, вот и все. Как дышит горячо...
Окно, луна... Все это было, было...
И грустное «тебя я не любила...» [Там же, с. 52].

Своеобразная инфинитивная квинтэссенция переживания оттенков любви явлена в стихотворении «И щека прикоснется к щеке»:

«...И щека прикоснется к щеке.
И рука встрепенется в руке.
Обнимать ее, так обнимать,
Словно будут ее отнимать.
Без нее невозможно душе.
Без нее и не жить-то уже.
Обнимать ее и замирать.
Обнимать ее – как умирать.
Обнимать ее и повторять:
Я-то знаю, как счастье терять» [Там же, с. 18].

Ряд стихотворений Александра Арапова обращен к образам отца, матери. Отец при всей его деревенско-крестьянской практичности, хозяйственности изображается как человек тонкого внутреннего склада, замечаящий красоту природы, умеющий радоваться малому (см.: «Отец» [Там же, с. 31]). В произведении «Все так быстро уходит, мама» [Там же, с. 87] лирический субъект спустя годы упрекает себя в том, что мало общался с матерью, не делился с ней событиями своей жизни, не писал писем. Он восстанавливает некоторые картины прошлого, приводит семейные обыкновения. Финал стихотворения печальный – время забирает самых близких, никого, ничего не вернуть. Мать и отец охвачены долгожданным счастьем обретения нового дома в стихотворении «Избу крепкую срубили» [Там же, с. 64]. В данном случае особенно очевидна автобиографическая основа произведения, имеется точная датировка значимого события.

Александр Арапов – поэт, который неоднократно относится к своей стране. Словообраз Россия – один из сквозных, ассоциативно корреспондирующий со снегом, зимой, грустью, смирением, бедностью:

«А за окнами – молчанье.
В белом саване – Россия.
...Снег в России грустный-грустный,
Тихий, как последний путь...» [Там же, с. 4].

Обратимся к некоторым образцам эрзянской «половины» творчества Александра Арапова. В некоторых текстах, созданных по-эрзянски, про-

должны темы и мотивы, разрабатываемые поэтом в его русскоязычных стихотворениях. Так, в произведении «Атысь эзь сутямо» («Старик не вздремнул») повторяется локализация лирического персонажа в больнице, описывается сложнейшее состояние переживания человеком сильной физической боли, приводятся картина телесных страданий, ситуация предельности терпения. С русской частью поэтического творчества Александра Арапова корреспондирует тема мужского старения. Смерть также вызывает реакцию внешнего мира: за больничными окнами падает снег. Показана кажимость обыденности человеческого ухода из жизни. Примечательно, что молодость в стихотворении архетипически сопряжена со старостью, явлена как время абсолютной внутренней глухоты, неумения сочувствовать, принимать горе другого:

«Старик не вздремнул... Всю ночь
Вздыхал рядом с нами в палате,
От боли готов был рвать волосы,
Страдал, не мог находиться на месте.
Терпел, не кричал, будто стеснялся,
Хотел не нарушить наш сон,
В горсти свой голос держал,
Куда-то вырваться был готов.
...Настало утро.
Молчала медсестра. Звякала техничка в коридоре.
Умер старик...
Снег первый выпал...
Молоденький средь нас спал с храпом»
[12, с. 158] (здесь и далее подстрочный перевод наш. – А. А., Ф. С.).

К частотным мотивам эрзянской поэзии Александра Арапова относятся времена года, символические проекции которых связаны с жизненными циклами, состоянием, самоощущением лирических героев. Весна, ассоциируемая с упрямым жеребцом, символизирует молодость – время больших скоростей, резких поворотов, силы, смелости, дерзости. Поэтическое представление осени зиждется на сочетании природно-пейзажных деталей и экзистенциально-психологических заключений. Осенние стихи – прощание с иллюзиями молодости, «перебирание» воспоминаний, взгляд на себя спустя годы:

«Весна галопом пришла,
Как красиво пришла!
Ржет (смеется, хохочет), капризничает она, не претишь.
Непослушная, радуется, нет того, кто ее запряжет,
Упрямым жеребцом ногой бьет.
На него взберешься, верхом поедешь
Против ветра за своим счастьем.
Что найдешь, не знаешь, но знаешь – найдешь!
Есть счастливые – среди них уместисься.

Не сомневался ты – и тебе будет дорога.
 Эх, да сохранится жар в твоём сердце.
 Ты молод. Ты знаешь – ничего ты не знаешь.
 Как нужно жить, ты увидишь!
 Глаза закроешь ты –
 Где леса, где холмы! –
 Что будет, то будет – ты отправился!
 Смотри, жеребец твой не знает ни кнута, ни узды,
 Только сильных на себе он держит!» [Там же,
 с. 223];
 «Грустна песня осени, светла...
 Небо – темно-синий холст...
 Листья кружатся, на землю спускаются,
 Молчат – вспоминают вчерашнее время.
 Березка дрожит, чуть держится,
 Она стыдится – раздеться ей пришлось.
 Сердце мое молчит и тревожится,
 И жалеет – многое упущено.
 Никуда не спрячешься от своего времени,
 Привыкай – на улице стоит осень.
 За собою журавли следы оставляют –
 Чья-то мысль, чей-то кашель.
 Молодость, где ты? Куда ты пропала?
 Назад не вернешься... Знаю, знаю...
 Летите, журавли... Успокаиваю душу,
 Будто греюсь, прошлое вспоминаю» [Там же,
 с. 180].

Творчество А. В. Арапова – одного из наиболее оригинальных и сложных для литературоведческого анализа современных поэтов Мордовии – олицетворяет собой отдельные магистральные пути развития финно-угорских литератур России. Речь в первую очередь идет о глубинных экзистенциально-психологических, философских основах лирики, стремлении автора посредством поэтического слова отобразить колоссальное внутреннее напряжение человека, живущего и творящего в эпоху перемен. Художественный дискурс 1990-х гг. стал без преувеличения этапом качественного роста, заметным явлением в российских финно-угорских литературах. Следует обратить особое внимание на билингвизм Арапова. В данном случае это не параллельное взаимоориентированное творчество, а два самостоятельных и даже конфликтующих между собой художественных мира. Очевидно, что билингвизм становится все более распространенной реальностью в рамках финно-угорского литературного процесса России. В стихотворениях А. В. Арапова немало «отражений» русской поэзии Серебряного века. При этом почти не найти открытые интертекстуальные проявления. Арапов «переживает» поэтические шедевры великих негромко, без потребности во внешних обозначениях, декорациях.

Художественный феномен двуязычного эрзянского поэта Александра Арапова может и должен исследоваться в сравнительно-

сопоставительном пространстве национальных литератур Поволжья, России. В его основе – драматургия переходного времени, психологическая глубина, верность традициям своей литературы, смелость быть собой.

Список источников

1. Мордва: Историко-этнографические очерки / отв. ред. В. И. Козлов, 1981. Саранск: Мордовское книжное издательство. 336 с.
2. Арзамазов А. А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты. Опыт компаративного прочтения. Казань: Издательство АН РТ, 2022. 316 с.
3. Арзамазов А. А. Поэт эрзянско-русского пограничья: художественный мир Александра Шаронова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 15. № 3. С. 72–82.
4. Демин В. И. Моран Россиясо эсень эрзянь кельсэ...: эрзянь писателде евтнема (Пою в России на своем эрзянском...). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 232 с.
5. Жиндеева Е. А. По координатам жизни. Эволюция русскоязычной прозы Мордовии. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсеева, 2006. 168 с.
6. Каторова А. М. Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. № 1 (25). С. 122–131.
7. Налдеева О. И. Жанровая система поэзии Мордовии: генезис, эволюция, поэтика: монография. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2012. 135 с.
8. Налдеева О. И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2013. 285 с.
9. Султанов К. К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
10. Султанов К. К. Эволюция и традиция: от «младописьменной» литературы к нарративной идентичности. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 544 с.
11. Арапов А. В. Взмах. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2001. 112 с.
12. Арапов А. В. Жест. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2010. 256 с.

References

1. Mordva: Istoriko-etnograficheskie ocherki (1981) [The Mordvins: Historical and Ethnographic Essays]. Otv. red. V. I. Kozlov. 336 p. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
2. Arzamazov, A. A. (2022). *Mariisko-udmurtskie poehticheskie paralleli i kontrasty. Opyt komparativnogo prochteniya* [Mari-Udmurt Poetic Parallels and Contrasts. A Comparative Reading]. 316 p. Kazan, izdatel'stvo AN RT. (In Russian)
3. Arzamazov, A. A. (2023). *Poet ehrzyansko-russkogo pogranich'ya: khudozhestvennyi mir Aleksandra Sharonova* [Poet of the Erzya-Russian Borderland: The

Artistic World of Alexander Sharonov]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. Vol. 15, No. 3, pp. 72–82. (In Russian)

4. Demin, V. I. (2008). *Moran, Rossiyaso esen' erzyan kelse...: erzyan pisadende evtnema* [I Sing in Russia in My Erzya...]. 232 p. Saransk, Mordov. kn. izd-vo. (In Mordvin)

5. Zhindeeva, E. A. (2006). *Po koordinatam zhizni* [Along the Coordinates of Life]. *Ehvolutsiya russkoyazychnoi prozy Mordovii*. 168 p. Saransk, Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M. E. Evses'eva. (In Russian)

6. Katorova, A. M. (2013). *Osnovnye napravleniya razvitiya mordovskoi literatury v nachale XXI v.* [The Main Directions of Mordovian Literature Development at the Beginning of the 21st Century]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. No. 1 (25), pp. 122–131. (In Russian)

7. Naldeeveva, O. I. (2012). *Zhanrovaya sistema poezhii Mordovii: genesis, ehvolutsiya, poetika: monografiya* [The Genre System of Mordovian Poetry: Genesis, Evolution, Poetics: A Monograph]. 135 p. Sa-

ransk, Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. (In Russian)

8. Naldeeveva, O. I. (2013). *Sovremennaya mordovskaya poezhiya: osnovnye tendentsii i khudozhestvennye orientiry* [Contemporary Mordovian Poetry: Main Trends and Artistic Guidelines: A Monograph]. 285 p. Saransk, Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. (In Russian)

9. Sultanov, K. K. (2019). *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyi aspekt* [Angle of Refraction. Literature and Identity: A Communicative Aspect]. 352 p. Moscow, IMLI RAS. (In Russian)

10. Sultanov, K. K. (2025). *Ehvolutsiya i traditsiya: ot "mladopis'mennoi" literatury k narrativnoi identichnosti* [Evolution and Tradition: From "Youngly Written" Literature to Narrative Identity]. 544 p. Moscow, IMLI RAS. (In Russian)

11. Arapov, A. V. (2001). *Vzmakh* [A Swing]. 112 p. Saransk, Mordov. kn. izd-vo. (In Russian)

12. Arapov, A. V. (2010). *Zhest* [A Gesture]. 256 p. Saransk, Mordov. kn. izd-vo. (In Russian)

The article was submitted on 16.10.2025

Поступила в редакцию 16.10.2025

Арзамазов Алексей Андреевич,
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии,
Казанский научный центр РАН,
420111, Россия, Казань,
Лобачевского, 2 / Кремлевская, 31;
профессор кафедры русистики,
этноориентированной педагогики
и цифровой дидактики,
Институт русского языка,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 10, к. 3.
arzami@rambler.ru

Сайфулина Флера Сагитовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fsaifulina@mail.ru

Arzamazov Aleksey Andreevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Head of the Laboratory of Multifactor
Humanitarian Analysis and Cognitive Philology,
Kazan Scientific Center of the RAS,
2 Lobachevsky Str., / 31 Kremlevskaya Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation;
Professor in the Department of Russian Studies,
Ethno-Oriented Pedagogy and Digital Didactics,
Institute of the Russian Language,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship
University of Russia,
10 Miklouho-Maclay Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
arzami@rambler.ru

Sayfulina Flera Sagitovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fsaifulina@mail.ru